

Николай Зайцев

Николай Петрович Зайцев – родился в Талгаре Алма-Атинской области Казахстана, в 1968 году окончил среднюю школу № 1, работал в топографической экспедиции, закройщиком, радиомехаником, мастером по изготовлению очковой оптики, корреспондентом. Публиковался в республиканских журналах «Простор» и «Нива», в альманахе «Литературная Алма-Ата», российских – «Берега», «Наши современники», «ЛитЭра», «Молодая гвардия», «Север», «Подъём», «Ковчег», сетевых – «Молоко», «Каммертон», «Великоросъ», «Лексикон», издал девять книг поэзии и прозы. Лауреат фестивалей «Славянские традиции» (2009), «Верность родному слову» (2011), «Литературная Вена» (2011), лауреат премий им. В. Белова (2009), им. В. Шукшина (2013). Руководитель творческого объединения «Вершины Талгара», член Союза писателей Казахстана и России.

КНЯЖИЙ ВОИН

Рассказ

Аще сказать ли те, старец, повесть?
Блазновато, кажется, да было так.

Аввакум

Нынче здесь редко кого можно увидеть. Только дядя Вася не забывает это святое для него место своим присутствием. Он тоже теперь нечастый посетитель, но более памятный из всех приходящих сюда. Хотя можно ли назвать привлекательным для паломничества кусок заброшенной земли, где между двумя тысячелетними дубами врос позеленевший от пробившегося по нему мха то ли просто камень, а может, останок какой-то вежи, отметины, оставленной людьми, жившими в этих краях. Скорее всего, это был памятник, его поверхности касались руки каменотёса, но когда это было, так никто и не распознал. Хотели узнать, нашли на тёсаном лице камня буквенные знаки, больше похожие на руны, чем на славянское письмо, даже прочли о каком-то великом князе, то ли побывавшем в этих местах, а может, почившим под этим древним надгробием. Время ушло, любознательные к своему прошлому люди канули в небытие, а красных комиссаров, захвативших власть, не интересовала история этой страны по причине своего чужеродства ей, они были увлечены построением светлого будущего для своего народа. Но ближняя к камню деревня звалась – Князево. Отчего-то такое произошло? Чего не дают на Руси просто так – это названия. Дают его один раз и надолго. Навсегда. Потом переименовывают, но имя возвращается из своего времени через год, через век. Живуча Русь. Один камень такой, замшелый, на её земле останется памятной, и от него снова начнётся Волга, Москва – Родина. Русь – она от Господа людям дадена, и потому конца ей не будет. Живуч и дядя Вася, он от родного простора – русский. Он тоже, без всякой посторонней помощи, уже начал вращаться в свою землю, как тот Князев камень, боясь, видно, что похоронить его вскоре будет некому. Стоя перед древностью, он становился похож на неё – на вековые дубы, на землю под ногами, в своём неизменном, затёртом армяке и стоптанных, до вида опорок, сапогах. Жил он в сторожке на деревенском кладбище вроде при деле, хотя ни о какой службе речь не шла – кормился от добрых людей, да и только. Кладбище давно заросло вековой дубравой, кустами сирени, похороны здесь случались нечасто – люди в деревне стали совсем редки. Народ родился, но куда-то потом исчезал, растворялся в городах, а если кто и заглядывал в родные места, то умирать здесь не собирался, не задерживался долго, уезжал восвояси, а чаще никто ни слухом ни духом о своём дальнем житье-бытье не заявлял. Кое-кто из заблудших на чужбине по прибытию на свою малую Родину приходил к Князеву камню, отвешивал поклон своему и общему прошлому, выпивал с дядей Васей кружку горького вина, поминая при этом князя невиданного, родных своих, свою

понятную былую жизнь. Потом обретший память земляк шёл к могилам своих родителей, родичей. Здесь без помощи сторожа никто не мог обойтись: нелегко холмики, поросшие травой, в лесу отыскать, пусть и родные они. Но дядя Вася знал места упокоения каждого односельчанина, мог рассказать о его жизни и смерти, служил проводником в прошлое своей деревни. Мог поведать историю Князева камня и сказать слово о самом князе. Этих сказов со временем становилось всё больше, сочинял их сам дядя Вася, но никто его в этих фантазиях не упрекал: прошлое минуло, и мало кого тревожили выдумки о нём. Легенда, рассказываемая дядей Васей, становилась всё витиеватей и длинней, а слушателей всё меньше и меньше. Время поощряло сказительный талант кладбищенского сторожа, увеличиваясь непомерно между посещениями любопытных и совсем неинтересных гостей и редких, ещё не обделённых памятью земляков. Сказ начинался в лучших традициях русской былины: «Когда-то давно жил в этих краях достославный князь. И был он разумом светел и телом могуч...» Окончание же повествования зависело от внимания слушателя. Если он был не охоч до рассказов и баек, то у середины своей повесть начинала комкаться, укорачиваться (чего зря красноречие изводить, дураку что просо, что брильянт – всё едино) и заканчивалась в двух словах: «И почил князь от дел своих под этим камнем». Но находился настоящий слушатель, и сказ расцветал неслыханными при жизни князя и после неё историями его подвигов и других благих дел. Когда кто-нибудь из особо памятливых гостей начинал перечить словам рассказа (мол, в прошлый раз было другое), дядя Вася и вовсе прерывался на половине своего повествования и начинал сердито курить самосад, всем своим видом давая понять, что право на повесть принадлежит рассказчику, и, как должен жить великий князь, ему – потомку его, лучше знать. А причина к тому была – в деревне, да и вокруг по земле, его звали не иначе, как потомком князя. Так нарекли, а попросту в деревне до такого звания никого не возвысят. Имя человечье, что при рождении дают, то для Господа, к престолу звать, после земного гостевания, а прозвище для людей, пока среди них во грехе живёшь – вроде ты, а может, и нет. Бог даст, не заметят твоих пакостей, творимых при жизни, но надежды на такое прощение мало, Отец Небесный всё и всех видит, тем более потомков князей. Любое человеческое звание обязывает достойно на земле жить, а княжеское особенно. Невзрачный собою, по правде говоря, достался поселянам потомок княжеский, но и деревня или то, что от неё осталось, была под стать. Домов тридцать скособоченных осталось стоять по улицам, из них большая половина закончены, покинуты. «Куда народ подевался? – дивился остатний потомок могучего владетельного князя, покуривая самосад. – Чего людям надо? Такое раздолье кругом, живи – не хочу. И не хотят. В каморке вонючей в городе ютятся, а в деревне дом-пятистенок в тоске одиночества валится на бок. Последний заморыш городской приедет, отъестся на молоке да на масле настоящем, а сам свысока поглядывает на кормящих его: лапти вы, мол, недоплетённые. Вон, Митька Бывалых, возьми, парень как парень – пахал, сеял – человеком был. Урыл в город, грузчиком работает, будто подменили его там. Мысли у него безродные стали, неприкаянные, обрывки от прошлого. От стакана до рюмки живёт. Теряется народ в городе, ветшает. Чужим становится, и в первую голову – себе».

«Однажды», – так начинается множество повествований, сложенных людьми, живущими на земле. Рассказов хороших и не очень, хотя суждения, как и осуждения, всегда относительны, как и все человеческие слова. Однажды, единожды – именно так определяется срок жизни человека на земле. Об этом мгновении и хочется поведать современникам, а удастся – и потомкам. Однажды – так начинается всякая жизнь и единожды – проходит. Из этих мгновений и сложена Вечность. Она и сложена для того, чтобы однажды продолжиться ещё одним повествованием, а потом остаться в нашей памяти этим росчерком пера. Не каждому дано вылиться радостным сказанием своей пробегающей жизни или уже почти миновавшей. Не каждый умеет заметить время своего рождения и промежутки того же времени движения к смерти. Чаще замечают чужую, чем-то выдающуюся жизнь, забывая о своём единственном присутствии в мире, столь же нужном, как и рождение кумира, в котором растворилось время твоей жизни. И часто совершенно бесследно. Но одна напевная сага может прожить на устах потомков тысячи лет, чтобы оформиться в великолепие исторических событий, хотя через тысячу лет очень сложно судить о действительности событий, переданных красноречивостью человеческого языка. Но если сказание живо, прошедши через века, значит, оно имеет право жить, и не нам судить о том. И слава Творцу, что живы народы в своих преданиях, потому что однажды кто-то сказал слово о своей жизни или описал чужую, более яркую, не заметив в этом свете своей. Пусть будет славен и тот и другой, как и всякий отважившийся сказать слово. И дядя Вася в их числе славен, невзирая на незаметность своего присутствия во времени. Пусть единожды, мельком, но он велик, остановив время княжеского жития, раз-

бросав этот сказ по умам слушателей, городам и весям родной земли. Вспомнить – значит узнать себя в прошедшем, может быть, в том князе, который будет жив до той поры, пока – однажды – не народится другой достославный князь и не объединит прошлое с настоящим.

О новой жизни и людях в ней, пробивающих себе дорогу куда-то, а то и просто живущих, как кро- ты, боясь света разумного, абы день до вечера провести, а ночь скроет и грехи и святость – расскажут много и многие. Разным земным событиям и человеческим деяниям, произошедшим на его веку, был свидетелем княжеский потомок. Немного людей на его глазах выросло из своего детства, очень мало из юности, и уж совсем редкостны стали человеки, что выходят из разумения молодости и становятся взрослыми. По обличью они добропочтенные старцы, а присмотришься пристальнее – балбесы малолетние. Прожил долго, а спросить нечего, он про своё прошлое толком не помнит, а уж о корнях и памяти вековой и говорить нечего. Своих кумиров в телевизоре разглядывает и их радостью богомерзкой живёт. Радость должна быть тихой, покойной и светлой в Любви, Христом завещанной, а не лахудрой с голыми сиськами, что ими по экрану во все стороны размахивает, не для того же это дано, а детей вскармливать. В такой груди и молоко горькое, отравленное чужими взглядами завистливыми, оттого и дети маются у таких матерей – то разумом, то телесным недугом. Коли в голове недород, то и всюду одни сорняки. И полоть их уже некому.

Спросите, отчего дядя Вася сказителем стал? Такое не вдруг случается и не со всеми. Давно жил в деревне паренёк Василий. Неказист уродился внешним видом, но вырос удал и дерзок и в работе неуёмный. Рано остался без родителей, воспитывался у бабки своей и был очень самостоятелен в желании жить. Рано начал работать, поставил хороший дом и к двадцати годам решил жениться. Девку выбрал самую рослую и красивую – никак ему не в пару. Но упорен Вася и в любви оказался, добился-таки согласия красавицы; чем уж он её, голубушку, полонил (на полголовы ростом ниже невесты), одному Богу известно, но стали готовиться к свадьбе. Вася тогда ещё не назывался потомком князя, но праздник готовил по-царски. С тройками, лентами, музыкой, скачками. На лошадях, расфранчённых яркою мишурой, двинулись в районный загс, а после, уже в качестве законных мужа и жены, с радостью этой вселенской, помчались на рысях в деревню, где народ ждал, томился у накрытых свадебных столов. Зима только началась, снег не шибко лёг. Мчали резво, с удалым куражом, молодым задором. Уже перед самой деревней шаркнули сани полозьями о голую землю, пошли боком, невеста вылетела и расшиблась о придорожную корягу. Два года потом лежала недвижная, без памяти и без слов. Так и померла невестой, а Васю оставила навсегда женихом. После похорон её заметно стало, что угас в неслучившемся муже огонь желания жить. Нет, он оставался на земле, но уже как-то больше по привычке, без радости. Погоревала вместе с внуком и отправилась на Божий суд бабушка, и остался Вася один среди людей. Помыкался ещё пару лет на колхозных работах, потом выпросился кладбищенским сторожем служить, рядом хотел с любимой быть, а тут, в аккурат, преставился старик, охранявший погост деревенский, и место стало вакантным. Но старик стариком, а вот как молодого на кладбище списать, тут надобно разрешение от власти. Но отпустили, чего парня в неволе держать, коли у него всё из рук валится. Там, на кладбище, и работа не видна, по старости подходит, а молодой гражданин должен государству пользу приносить. А какая польза от усопших, вечная им память. Оформили пастухом, грех на душу забрали, но то мирской обман, не тяжкий. Ну, как назвать кладбищенскую службу, когда кругом безбожники? Чего, мол, их охранять, души нет, Бога нет, а кости никому не нужны. А подумать хорошо, так Вася навроде апостола Петра у ворот погоста – встречает усопшего и покой его хранит. Но нет таких должностей в советских работах. Не нашлось, будто народ в безверии бессмертие телесное обрёл. И стал Вася пастухом по ведомости бухгалтерской и пастырем у могил упокоившихся навечно. Где ограду поправить, где цветы полить, да мало ли заботы в местах упокоения, души умерших тоже радуются, когда о них волнуются и не забывают поминанием, приходом на место последнего их пребывания земного. Но только поначалу приплачивали в колхозе жалованье, а потом забыли. Сторож есть у кладбища деревенского, а у колхоза без него забот хватает и денег нет – всегда. И стал Вася вольным художником – сказителем, сам себе своё пропитание выговаривал. Много ли человеку надо? Доброе слово да хлеба кусок. Всяк по-своему живёт, у кого закрома ломаются от добра, другой и похлёбке рад, а кто из них счастливее, поди дознайся. О своём счастье Вася ни с кем не заговаривал и ни на что не жаловался, ему хватало и светлого дня, и тёмной ночи, и люди к нему шли, своих проведовали и его не обижали. Так и стал Вася покой усопших своих земляков охранять, не найдя своей душе отдохновения. Позднее отыскалась княжеская могила и началась легенда, и никто уже не мог вспомнить, жила эта сказка раньше или по-

явилась с началом Васиного отшельничества на кладбище. Да никто об этом и не думал, слушали, и всё тут. Сперва сомневались, после привыкли, изменить прошедшее пытаются только дураки, а таковые на огонёк к сторожу не заходили. К такому событию готовились долго, в одиночку, копили обиды, грехи, а уж потом шли высказаться и послушать. Послушать и сказать. Часто случалось, что приходил человек поговорить о своём наболевшем, томившем мысли, но, послушав, о чём идёт разговор между другими людьми, и в этом случайном собрании слов узнавал себя и о себе и уходил, не сказав ничего – всё поняв и тем успокоив боль своих невзгод. На кладбище лучше понимается мелкость своих несчастий. За кладбищенскими воротами и звуки другие. Понятней. Смысл слова огромен, когда вокруг не суетятся, а слушают и понимают. Когда Вечность впечатана в землю крестами. Вехами бессмертия. Ушёл один – пришёл другой. Пока помянуть, осмыслить, а потом и совсем. Но придёт следующий живой, и помянёт, скажет доброе слово об усопшем, и откусит кусочек хлеба, свою часть от Вечности. Причастится к ней. Так легенда вросла в родную землю и стала душевной нуждой, за которой идут люди к дяде Васе узнать, какую ещё великую доблесть обрёл в себе их земляк – князь. Тем и жива легенда, что всегда нова на свежих устах. Выдумка – не обман, это заслуга рассказчика, свет его разума, льющийся в души слушателей, окрыляющий верой, что всё было именно так и дальше будет ещё лучше и красивее. Даже на кладбище. Умер, но жил, чтобы стало лучше. Только поэтому стоит жить. Жить рабом, но верить, что жива воля, за которую бьётся и борется князь, и надо помочь ему своими делами, чтобы обрести эту даль и ширь своей земли. Она, эта вера, и есть свобода. Мысли о свободе – крамола души. Свобода от чего? Это когда беды нет. Но чаще свободу в беде находят. В разбое. Сказы сказывают о благородных служителях ножа и топора, о вольных, лихих людях. Говорят с завистью и томлением духа, забыв, что пред Господом никто не волен. Волен только Господь. В крови и злобе свободы не бывает. Потому и неясно, где жертва, где палач. И судить никто не волен. Земные судьи на службе у власти кормятся. А Господь сам судит, и присяжные его суда тоже не на земле живут. Не купишь. Земной суд – это так, для потехи тщеславия, всё настоящее людей после кончины ожидает. И казни лютые, и награды высокие. На кладбище идут, кто наград не ищет, а душу, растерянную объединить желают. Пока сам у дяди Васи чаёк попиваешь да беседуешь, душа твоя с душами родных и земляков встречается, узнаёт многое, лечится от суеты, злобы в той суете. Красивей становится, добрее. Но ты об этом не знаешь и, только выйдя на дорогу, ведущую в село, ощутишь в себе покой и веру, возносящую твою душу к Господним высям. И князь светлым облаком оживает в тебе, и верится, что славные дела его умножать – долг твой.

Уважали мужики дядю Васю. За слово доброе, за всегдашнее ожидание, полуденное и полуночное, несчастий человеческих, что приносят ему из-за забора кладбищенского и хоронят с его помощью, в тишине вековых дубрав, выросших здесь с самого начала белого света. А пуще всего возвышала Васю в нехлипких мужских душах его нерастроченная любовь, схороненная за оградой кладбища у могилы любимой. Величают люди глубокие чувства, что через землю прорастают, не пылкостью юной, а через страдания, Господней любовью, ко всему живущему на земле. Со всеми людьми Вася ровен был в отношениях. Провожал на могилку родственников, ежели таковая имелась, или просто привечал в своей избушке. И никто не уходил от него, не излив в беседе душу свою и не выслушав легенду. Один дошлый газетчик, приехавший с какой-то okazji собирать деревенский фольклор, измучил дядю Васю вопросами. Сначала слушал, потом записывал, а вопросы стал задавать, когда понял, что записать легенду невозможно, у неё нет окончательного варианта. А на все выдумки рассказчика бумаги не хватит.

– А был ли князь? – спросил писатель после нескольких прослушиваний. – Что-то описание его подвигов у вас каждый день разнится с другим, последующим.

– Так и дни не все погожие: и хмурые есть, ненастные, – отвечали ему.

– Легенда-то из веков, при чём тут нынешние дни? – не отступался приезжий.

– А теперешнее время откуда? Не из веков ли? Мы не от Ленина, слава богу, родились, а от отца Небесного. День ко дню – и Вечность образуется. А у Вечности много чего есть. И князя там жили и живут, – твердил своё Вася.

– Он что у вас, князь, – не один? Так бы и говорили, – отбыл восвояси собиратель древних сказаний.

Множество имён придумали России заумные её жители и совсем безумные бродяги заморские. Тут тебе и варварская страна, и тройка – Русь, и умом её не понять. А кто просит её понимать тем развёрнутым умом европейского безбожника, нашу бескрайнюю Русь. Для того чтобы Россию понять, ум бескрайний нужно иметь, безграничный. Россия – это мужик, одетый в просторную рубаху, он красивый, светлый лицом, в льяном уборе волнистых волос, с доверчивым, но смелым взглядом, готовый

пахать и защищать родную землю. Россия – это женщина, удивительная Василиса Прекрасная (именно так – с большой буквы), с вечным ожиданием и любовью в своих чистых, как родниковая вода, глазах. Вот она, Русь, и все её дворцы, и Кремли, и даже мавзолей дьявола от мужика, от его труда, от взгляда его доверчивого, веры бесконечной, неколебимой, что воздаст Господь всем по заслугам; и ожидание в глазах женских всё от той же веры истовой в начало и продолжение Русской земли. Кто-то придумывает этой земле названия, этому народу имена, а народ просто живёт и ждёт пришествия Господа, чей святой дух хранит его землю. А ещё пропитана земля Русская совестью человеческой на все времена: и добрые и лютые, и с первыми шагами по родной земле наполняет она русскую душу до краёв боязнью обидеть кого-либо ненароком, оскорбить нелюбовью, встретить неприветливо. Совесть в русскую душу мукой великой вросла. Никому её потеря так дорого не обходится. Человек без совести – вроде языческого божка становится: напасти и страхи насылает на ближних своих, без милосердия душа его обитает. Ему и себя не жалко. Бога нет – совести то есть, значит, и жизнь моя, а не данная кем-то для благих дел, хочу и себя погублю на утеху своему язычеству. Но противны такие мысли русской душе. Эту совестливую широту души русского человека марали и гадили все недруги и друзья переменчивые, но отмывалась она после кровавых побоищ и снова, с ожиданием любви, глядела в глаза врагов своих и верила – поймут, должны понять. Понимали, но ненадолго, и вновь хаяли и виноватили кормилицу свою, боясь размаха её силы и желая её гибели. А почему так случается? Тысячу лет растила, множила и хранила Русь свою совестливую православную веру, жила в ней и была ей. А Европа изменила Христовым заповедям и расплодила у себя ересь, хитрость и лукавство. В том и суть нашего различия. Но должно бы им всем знать: если проснётся в русском мужике зверь и утихнет совесть – весь мир дыбом встанет и не будет пощады никому из нынешних и будущих клеветников. Любите – покуда добры к вам, идите в открытые объятия – покуда зов ласковый слышен. И мысли такие у Василия прозревали от самой земли родной, от камня княжеского, до Небес тянулись, к Господу. А пути Господни дивны, вечны и мудры. Так и слова добрые, нежданно пришедшие не тяготят, но радуют. Поначалу дивился Василий таким думам, будто бы и не своим, боялся, больно широко захватывало, но после решил – коли дано, стало быть, так Богу угодно.

Не каждому дано прорваться в память своего Отечества и сотворить о том легенду, суметь рассказать её, связать, объединить время, пусть здесь, в ветхой избёнке кладбищенского сторожа; что ж, не всё доброе во дворцах живёт, чаще наоборот. Вася дворцов выше сельсовета не видал, а так высокие терема да подворье княжеское словами раскрашивал – заслушаешься. Распрямялась его неказистая стать, занимались огнём на морщинками повитом лице глаза, и вот уже он сам горячит плетью застоявшегося коня, правит с княжьего двора со дружиною удалой, и льётся, льётся сказ о том походе славном, о воинской доблести и ещё многом, многом забытом, растерянном в суете смешной человеческой жизни. Умели раньше сочинять истории и саму Историю блости. Говорить умели, слова знали верные. Ныне забыли многое, растеряли в войнах кровавых, а пуще того в революциях смрадных, коммунизмах разных, обману научились, ереси, лжи красивой. От этого всего и идут люди к рассказчику честному, дивные слова знающему, там и вспоминают своё родство с добрым словом, с песней славной. К дяде Васе идут на кладбище, там всё прошлое, древностью пахнет, словом мудрым тишина – до поры она тишина, грянет громом, раскатится, молнией засверкает прямо в души и осветит былое, освятит родное, и придёт Любовь в сердце; и пойдёт человек своей дорогой, оставив недобрые помыслы, похоронив печаль и заботы среди вековых деревьев, уже не боясь безродности своей, восстановив в услышанной легенде связь времени с живущими на Земле людьми. Не каждому хочется взглянуть в глаза истине, вернее, никому не хочется этого делать – страшна правда, даже взгляд в её сторону пугает; там все мерзости, нами содеянные, собраны, бежать захочется, а может, задуматься и пойти за своим взглядом в истинную сторону, тяжёк будет путь, но славен. Слава земная к праведникам не охоча, но люди её всегда помнят. Да что слава, её кругом много, кумиры что вши плодятся на капищах порушенной истины. Много мелькает лиц, звучит слов, но помнится только настоящее. Если вымрет память о праведниках – кончится жизнь на земле, как Содом и Гоморра, как башня Вавилонская, ведь не Господа люди узреть хотели, на небеса поднявшись, себя показать, мерзость свою возвысить, в гордыне своей с Небесами сравниться. Известно, что потом произошло, и так будет всегда. Только разрастается клоака нечистая, ширится, или Божьего гнева уже не хватает, или число праведников совсем умалилось; а кажется, больше извратилось понимание истины, лжепророки по всем углам множатся, сулят славу, богатство, а то и есть муки адовы, мерзость пред Господом, и смерть, смерть, смерть души нашей. Но души от

чистоты нашей памяти возродятся. Уходят с кладбища люди, из малой избушки-сторожки, напивавшись слов добрых, душою светлея от шага к шагу, и несут этот свет в мир, где множатся испытания и не почитаема истина. Не дойдут эти, придут другие, твёрдые духом. Жив дядя Вася, жива легенда о славном князе, о подвигах его во славу народа, многие придут, и светлым станет их путь обратный, освещённый светом той истины, которой боятся, но идут за ней и приходят.

Вася не только рассказывал о князе, его подвигах, но и видел его в своих беспокойных и всегда коротких снах; не тех лёгких видениях, что приходят от желаний, не исполненных днём, а пытливых продолжений самой легенды, где являлись новые сюжеты и лица, происходили сражения, все события развивались согласно сценарию неведомого режиссёра, отрывки неких кадров, должных объединиться в одну картину, но многое смазывалось, рассеивалось в утреннем свете и оставалось в памяти только то, что и дополняло легендарные образы и благие дела. Жил Вася двойной жизнью: ночью ходил в походы, был дружинником, защитником Отечества, днём бродил среди могил, обихаживал кладбище, встречал памятливых гостей, просто странников, бродяг; некоторые жили у него в избе днями, а то и дольше, месяцами, и зачем они тут были, и куда потом девались, никто не знал, в голову никому не приходило спрашивать о том. Людишки заходили незаметные, молчуны, но Вася их зачем-то привечал, прикармливал и отпускал с Богом на все четыре стороны. Много по свету людей бродяжит, кто от чего ушёл, всего не дознаешься, но больше от неясности бредут, хотят до истины добраться, не зная, что она недвижна и неизменна, чем дольше идёшь, тем дальше от неё и отходишь. Потом причалит бедолага к какому-нибудь берегу, и начнёт понимать себя, и снова уйдёт, теперь уже от себя, от горести своего узнавания. Так и ходят от одной печали к другой, но для чего-то они, эти побродяжки, тоже есть, должны быть, из века в век идут, скорби собирают и уносят с собою, потому и принимает народ странников с душой и открывает им тайну горькую свою, и уходит скорбь вместе с каликами переходими. Им что? У них ничего в этом свете нет, потому и печали нет, вот и выслушивают других, чтобы понять, зачем живёт человек, в богатстве лишь тоска, но всяк о нём радеет. Заберут кручинушку, они новую копят. У Васи всё по-другому: здесь люди помолчать собираются, послушать, на кладбище только дураки кричат, но те редко сюда заходят, что не дурак, то умереть боится, думает, подальше от погоста буду, дольше проживу, а зачем – не задумывается. Вася многое о том думал, рассказать было мало кому, да и зачем, он легенду знал и сказывал её, туда и свои мысли укладывал, как получалось, но, видно, неплохо говорил, надо уметь складывать слова, чтобы тебя слушали, читали, для того должно отыскаться какое-то начало: высокое, божественное, а может быть, и дьявольское. Кому что милее, оттого и слушают люди, а которые прочь идут, в головах скудость имеют, а гордыни много, чтобы глупость свою признать. Глупость – она от лени, от нежелания слушать. Есть хлеб – покушают, нет – поплачут, а отчего так происходит, думать не хочется – трудное это дело. Лень наперёд людей родилась. Слушателей у дяди Васи хватало, живые сами приходили и уходили, почившие прибывали на телеге и на автомобиле и оставались навсегда, они всегда вернее – не обманут, не польстят, только смотрят с укором с фотографий памятных, много у них вопросов к оставшимся на земле, но до времени, до встречи молчат, а укор их в обрётённой ясности того смысла, что на земле никогда почитаемым не станет. Сам Вася давно умер, он жил только на кладбище – и больше нигде, а значит, был покойникам роднее, нежели живым. Весь род человеческий от рождения – потенциальные покойники, но жить при жизни на том свете не всякий отважится, как и о былом говорить не каждому дано. Все пытаются в будущее заглянуть, а там ничего – кладбище, родня зарёванная, если есть, конечно, и ты одет, как в праздник, от радости, что всё закончилось удачно, можно ведь жить остаться надолго, так долго, что взвоешь от этой бесконечности своих мытарств и дури в них. В прошлое никому оглядываться не хочется, там такие мерзости наворочены, по пояс, по грудь, а у кого и под горло жмёт, никому не хочется себя в дерьме помнить, а в будущем всё возможно, но покойником и в настоящем, и в дальнейшем быть вернее. Все того ждут и боятся, а ты вот уже тот, кем все ещё только будут. Не мечтают, конечно, но непременно станут, и потому оглянуться только тому дано, кто раньше всех понял, что в будущем ничего нет и жить нужно сразу по-человечески, с малых лет. Потому дядя Вася никогда не изнывал мечтами, что вдруг кладбище превратится в райский сад и одарится он пышными плодами его. Спокойно относился и к живым и к умершим, к князьям и рабам, в покойниках все перед ним равными проходили, и он им вровень был, жив – не жив, но память отеческую величал.

Говорят, что на погосте бесы обитают, вурдалаки, оборотни, про них люди шепотком сказывают, не зная и не ведая, да и не видевав того. На кладбище тихо и покойно, мёртвые сраму не имут, и не потому,

что не живут, а не приемлют его, Господа узрев. Бесы, они среди живых людей проживают, в кабаках за стойкой стоят, в карты зовут играть, на воровство смущают, при жизни в сатанинское воинство готовят, а похоронили – души усопших либо плачут, либо радуются, и уже навсегда. Вася много лет живёт, никаких передвижений на своей территории не замечал, тишину слышал, а в ней благодать, а вот когда гроза, вроде как плач раздаётся рядом, а может, мерещится по старости лет, но нет, плач не может блазниться, чудится смех, то дьявол хохочет над человеческими делами, а на кладбище все старания и страдания к тем мучениям закончены, смеяться не над кем и не над чем, всё умерло – всё, и сатане делать тут нечего. Мир да любовь царят на погосте. Мир среди усопших и любовь к ним помнящих о них.

Вася живёт долго, и всё потому, что умирать ему не надо, он совсем коротко среди людей обитал и сейчас находится в том мире, где нет суеты, лишних слов и покойно, а то, что он ещё не под землёй, так ведь надо же кому-то за могилами усопших ухаживать, живым это делать некогда, они не помнят о смерти, и потому она к ним приходит неожиданно. Вася помнит о своей кончине, она уже состоялась и больше ему не страшна. Умирать надо уметь, не тащиться за ненужной жизнью, не ползти, желанная пора проходит быстро, а жить против желания не стоит. Желания мешают умереть, а если их нет, то и жить не надо, но и умирать, если что-то не закончено – нельзя. А не закончена легенда, в каждом сне видится ему её продолжение. Ему снится, значит, ему её и договаривать. Умирать недосуг, князь живёт в нём не обличьем, но словом. Вокруг земля родная, и о том каждый знать должен, и легенда – тому напоминание.

Князь повернул своего коня: «Всё, дальше чужая земля лежит. Отдохнём пару деньков и к родным вотчинам направимся». – «Можно бы дальше пойти, город виден за рекой. Добычу возьмём», – раздался голос от дружины. «Или головы сложим. Воровство нам не по чину. Мы – защитники своей земли, а не разбойники. Вольна наша земля, и мы ею будем живы», – князь спешился и подал молодому дружиннику повод.

И Вася проснулся от этого сна. В деревне петух горланит, подниматься скоро. Рано Вася встаёт. Казалось бы, чего спешить, почивай себе до свету, покойники в двери стучать не станут, им ничего от тебя не надо. Вчера, правда, странник к нему приبلудился, чуть жив, каким его ветром принесло, как добрался, ничего не сказал, чаю выпил и дремать зачал. Уложил его Вася на постель в маленькой комнате и подумал, чего они ходят, куда хотят добраться, до чего – до счастья, до богатства, а может, к себе идут всю жизнь? Надо же так потеряться, чтобы по всей земле себя искать. Нет, что-то другое этих людей по земле водит. Или корни оборвались, прорасти не могут, вот и носит их ветром туда и сюда. Расспросить бы надо, отчего ушёл или куда пойти хочет, что потерял и что находилось в долгом пути. Будет жалиться на судьбу, бродячую жизнь, но поживёт недолго и отправится дальше, куда, одному Господу вестимо. Богу многое известно, всякое почему – Его путь, определённый судьбой.

– Почему бродишь? – спрашивают.

– А ты чего дома сидишь? – вопрошает в ответ бродяга.

– Не знаю, – говорит домосед.

– И я не знаю, – вздыхает идущий. Дай ему дворец белокаменный – и от роскоши уйдёт. Бродягу о цели пути спрашивать, как птицу про высоту неба – её всегда не достаёт. Иного прохожего спросишь, где бывал, чего видел – он и не помнит ничего, а зачем ходил, бродил по свету, неизвестно. Другой из дому не выйдет, а всё, что ни спроси, и в тридевятом, и тридесятом царстве знает, что там творится. Прозрение человеку от Господа дано, и про князя тоже, иначе откуда ему в Васиных снах оказаться.

Поле Куликово тоже из снов явилось – о свободе, единении сил, ту волю рождающих. Долго те сны народу снились и только потом освобождением явились от междоусобных распрей, от мелких мыслишек корыстных, из своего «я» к народному – «мы», выбором – пропасть в рабстве или силой стать. И князь славный нашёлся, и на поле привёл, и победу добыл. И град Китеж со дна всплыл, и вспомнили люди жизнь былую, волю вольную. Тот град Китеж и есть Русь упрятанная, потаённая до поры, до победы над рабством своим, ведь сказано: возродятся града и веси, не из пепла, нет, из памяти народной. И покуда разруха и гнев на земле, народ надеждой жив, что всплывут города и поразят своей красотой сердца, и воспрянет в них Любовь. Легенда красивая и смелая – путь к той Любви, и потому окончания ей нет, что тайна не имеет конца, как не имеет конца земля родная для тех, кто на ней живёт.

Вся разруха на Руси с никонианского раскола началась. Были, конечно, и до того меж русскими драчки, но чтобы веру делить, до такого только дьявол да Никон могли додуматься. Никон хотел своих врагов от веры православной отлучить, а получилось, что отделил Русь от России. И пошло и поехало –

разброд по стране, одни в леса, другие в терема высокие, не достать. И стали православные люди друг друга аки зверя лютого травить, одному и тому же Господу молясь, но по-разному персты складывая. Из этого русского раскола выросли в злобе своей и Разин, и Пугачёв, а потом на ослабевших от внутренней распри навалились иноземцы, каждый силился свой кусок от нашей беды урвать. Но русский народ тем и славен – своя драка, междоусобица до смерти, до разрухи, но чужой не суйся, сомкнутся перед супостатом, будто братья родные станут, нет прочней силы – из пучины вражды на защиту Отечества как один идут, и нет равных им в том бою. Но кончится время ратного подвига, отстроятся, обживутся и заново за старое принимаются, обиды начинают вспоминать, тут, глядь, какой-нибудь Емелька найдётся – пошёл бунт, разбой по родной стороне. Натешатся вдосталь, как заново рождаются, и снова – за работу. Тут вскоре комиссары чужеродные подоспели и молвят: трудно вам, ребята, в расколе жить, а бросьте вы вашу веру вовсе и без неё живите, вот вам по топору, добывайте себе свободу от всего – закона, царя, веры, Родины и радости. Разбойничайте безбожно и бездумно, а мы тут за вас решим, как вам дальше жить. Так и решали – кого в тюрьму, кого в гроб загнали, а кого и туда, где Макар телят не пас. Так бы и перебили русичей всех до единого, но тут немец на весь мир озлился. А воевать кому? В европах свои законы, кто сильнее, тому и лизнут задницу, а, чтоб воевать, упаси господи, для этого варвары-славяне на Востоке имеются. Туда немцев и направили, а сами все сдались без боя и стали ждать освобождения, под оккупацией проживая. Комиссары тоже в сторону (кто в Америку, кто в Сибирь), не наше, мол, дело, свою землю сами защищайте, а мы со стороны посмотрим, может, опять какую-нибудь выгоду вынем из вашей бойни. Слава богу, князья славные нашлись, повели народ в бой и победили всех сразу: и комиссаров, и немцев, и безбожие своё. Сплотился народ, окреп, ожил – засияла русская земля куполами золотыми, вера в единую срастаться начала. Но неймётся пророкам бездомным, ни флага, ни Родины долгое время не знающим, бродят эти паразиты по телу народному, пьют кровь, зудят, будят в людях мелкие, мерзкие мыслишки, им непокой, разбой вселенский – радость, они руки на этом пожаре греют да барыши считают. Потому и сеют разброд в народе, и снова по стране разбой и смута (манит народ воровская свобода), видно, скоро до войны дело дойдёт. Последней, самой страшной, после которой сгинет всякая нечисть со всей своей ересью в Тартар, и наступит мир да покой, и слово Божие станет услышано во всех началах и концах Земли. А пока зуб за зуб и око за око, и нет от той мести спасения на белом свете, не видна война эта тайная глазу, но губит всё на Земле, что ещё верно Господу. Глумятся лжепророки над верою, над победами нашими, устраивают революции и новые войны, обращают народы в рабов разврата и безбожия, и нет тому конца.

Вышел Вася во двор, а там всё так же: утро встаёт, туманом закутанные деревья дремлют до солнца, а земля в этой дымке утренней будто покачивается, в неге дремотной, и такой кругом покой, что думать только о добром хочется. День всегда утром готовится: как светом ранним подумаешь, так тебе и день отзовётся. Пройтись бы надо, осмотреть хозяйство своё скорбное: где прибрать, почистить, деревья у ограды надо бы поредить, мешают друг дружке в рост пойти, а там, поди, и странник поднимется, для разговора время будет. Вслед за добрыми мыслями хорошо ранью утренней пройтись, оглядеться в редком ещё свете, в котором прячется по углам, в низинах, ночная тьма, но уже не выстоять ей, скоро зальётся всё кругом теплом солнечным, зашевелится, зашебаршит соком жизненным природа, блеснут росой травы, стряхнут дрему деревья и откроется взгляду благодать и ширь родной земли. Вдруг показалось Васе, блеснуло что-то в стороне, в зарослях сиреневых кустов, не росинка крупная, нет, не осколок стекла бутылочного (с чего им сверкать в тумане, солнца-то ещё нет), а нечто особенное, как озарением засветило в глаза, указало, куда подойти, и погасло. С трепетом и опаской, но не снедаемый любопытством, а как бы по зову родному, подвинулся он к месту свечения того. Продрался сквозь заросли, лет двадцать никем не хоженные, с той самой поры, как разросся первый куст, Васей посаженный для красоты весенней и запаха сиреневого. В самой чаще, глядь, а тут крестик нательный, серебряный, и на цепочке того же металла лежит. Поднял Вася святую вещь, вылез из кустов, а тут по небу будто что-то зашумело. Поднял он голову, а там промеж начавших светлеть облаков всадник скачет, не шибко так, будто протягивает путь с востока на запад. Замер Вася, задрожало кругом, конь белый и всадник на нём, осиянный золотыми лучами, повернул голову и на землю глянул, и таким светом воздух наполнился, как только при рождении бывает. Надел Вася крестик найденный на шею, упрятал под рубаху и покойно стало на душе. И сразу вновь шум по небу прокатился, и всадник за ним уже с запада к востоку проплыл, добрался до горизонта, и солнце сразу выкатилось, и день начался. В покой и радости пошла у Васи работа, и мысли, меж делом, светлые. Догадаться хотел, кто же крестик мог обронить, и всё понять не мог, и казалось, что

похожа находка на его именной крестильный крест, что надела на шею ему при крещении бабушка, и который, не снимая, носил мальчонкой, а потом затерял где-то по неразумности своей. А всадник – он-то к чему, не каждый день такое чудится? Что явь, а что видением называть, не сразу разберёшь.

Вернулся, хорошо потрудившись, Вася в избушку, а странник уже поднялся, ожидает у двери. Вчера, когда сумерничали, в потёмках не разглядел толком его – оказался и лицом пригож, и статью вышел, не истоптался ещё, по земле странствуя, и говор лёгкий, не докучливый. По нраву пришёлся со взгляду, и пошёл разговор, а между ним Василий картошки начистил и варить поставил, сальца порезал, лук, хлеб, траву в чайнике заварил. Хорошая беседа – она к застолью располагает; достал Вася и настойки крепкой, на ягодах, – горит в бутылке рубиновым цветом, радует глаз чистотой хрустальной. Выпили по махонькой, хлебом, салом закусили, и спросил тут бродяга:

– Сказ-то будешь говорить?

– Откуда знаешь, что я рассказывать умею? – удивился Вася.

– А то. Земля слухом полнится. Твою легенду по всем краям света странники сказывают, – ответил гость.

– Как узнал, что они здесь повесть слышали? – пытал хозяин.

– По их рассказам, пригляделся – вижу, не иначе как в этом доме поэт тот живёт. Могилу князя покажешь? – развеял все сомнения гость.

– Покажу, отчего не показать, раз уж всё знаешь об нас, – успокоился Вася.

– Легенду слышал, но везде она разнится в словах. Пока донесут из края в край, многое переменят. Но, главное, жива легенда и славен в ней князь. И я, слава богу, добрался к тебе, послушать из первых уст желаю, вот и пришёл. Не выгонишь – поживу, послушаю, – готовился к рассказу странник.

– Рассказывать к ночи будем, а сейчас отдохнём от обеда, потом пособишь мне в работе, если не ленив, разговоры вечером будут, – противился своей радости Василий, но душа его пела словами странника: «Жива легенда, жива».

Полуденная дрёма недолга, пошли дела дорабатывать. Помощник Василию достался умелый, дело у него спорилось, сам-то за ним едва поспевал, видать, не от работы мужик бежал, судьба в бродяги определила. Может, останется, поживёт, одному всё трудней управляться стало. Уже вечером и поговорить надо об этом. По нраву Василию захожий человек пришёлся, будто родной, долгожданный. А душа уже кипела словами легенды, собирала их вместе, чтобы вылиться всей своей красотой свободной на радость слушателя. Много у него людей перебывало, подкормиться заходили, погреться, зиму скоротать в тепле, но чтобы издали за словом прийти, впервые такое случилось.

Потрудившись изрядно, отправились к Князеву камню. Почтительно встал у памятника странник, и кепчонку сбросил с головы, и волос пригладил, молчал долго, только губы шевелились, как при молитве. По нраву Василию и почтение его к памяти великой, и молитва неслышная.

Пужинали уже при лампе и сразу же прилегли, и медленно-медленно встрепенулась темнота словом, уступила своё пространство светлой мысли, дивному сказу о прошлых подвигах великого князя и его дружины, и дрожала ночь от топота копыт и звона мечей, когда рубились воины с ворогом во славу родной земли. К полночи иссякла речь, кончилась легенда, возвратились ратники в родные дома и тихо стало в избе кладбищенского сторожа – потомка князя.

– Сладко будет спать после такого славного рассказа. И сны явятся добрые, – промолвил в тишине странник.

– Здесь всем крепко спится: и проходящим, и уже пришедшим, – подтвердил его слова хозяин.

– А напечатать свою легенду не пробовал, уж больно слова в ней добрые да складные, может, кто и прочитал бы вдалеке, не всем годится по свету-то бродить, а знать хорошее многие люди хотят? – из темноты спросил гость.

– Как не пытаться, хотел. Журналист приезжал, всё про князя выпытывал и адресок дал в городе, в журнал. Месяца два я тут бился, переписал начисто весь сказ и поехал, благословясь. Только там, в этом городе, ни моё благословение, ни сам деревенский человек ходу не имеет. Посмотрели мою писанину, поулыбались вдосталь, а потом спрашивают, а где вы образование получали. В школе, говорю, семь классов закончил. Маловато, говорят, учиться вам дальше надобно. Говорю им, учился, мол, книг много умных прочёл, словами мудрыми душу образовывал. Они отвечают, мол, книги все любят читать, а надо учиться, чтобы их писать. Я говорю, не знаю, кто книги пишет, а вот читать-то не все любят, вот вам принесли легенду о князе, а вы читать не хотите. Поусмехались, кто в бороду, кто ещё только в усы,

но уже научены над мужиком ехидничать, поперемигивались, дескать, откуда такой деревенский Нестор отыскался и почему без лаптей. А ещё спросили, кем служишь, убогонький. Сторож, говорю, на кладбище. Тут совсем хохот покатился, будто горохом об стену застучало. Ты бы лучше, говорят, про вурдалаков написал, как они по ночам людей пугают. Мы бы тебя живым свидетелем выставили, в герои наших дней вышел бы. Мне геройство ни к чему, отвечаю им, а на кладбище тихо, никаких упырей не видать, они все в город перебрались, по редакциям сидят и среди бела дня хохочут, как выпь на болоте, кровососы тоже в столицах живут, всю кровь из деревни выпили и над нею, родиной своей, надсмехаются. Только вот умники из вас никудышные, не тому вас учили, смеяться выучили, а думать – нет. Всё о любви к народу талдычите, а не любите вы его. Надо так свой народ любить, чтобы бояться его, как Бога, и потому не чинить злого умысла к нему, ибо суд народа – суд Божий, ко всем он грядёт, и к вам тоже, там разберут, кто убогий разумом, а кто светел. Давай они тут в полный голос хохотать, развеселились, а я писанину в руки и домой. Ехал в автобусе к своей деревне и раздумывал, а Гомер, певец слепой, он что, профессиональным писателем был, в клубе поэтическом состоял, а Эзоп вовсе рабом родился, нет, тут что-то другое замешано в этом недружелюбии к деревенским сказителям. Боле и не ездил никуда.

– Ничего, Вася, Христос тоже необразованный был, фарисеи и над ним потешались. А что из того вышло, все знают. Разум от Бога, науки – лишь продолжение того разума. Кто в науке преуспел, ещё не значит, что у Господа в милости.

Долго не сумел заснуть Вася после разговора с гостем, Егором тот назвался, давненько таких людей не встречал – обстоятельных, но открытых для разговора. Без утайки отвечает про своё житьё-бытьё и сам вопросы задаёт неробкие, душу чужую выпрастывает. Легко с ним. Молод ещё, но уже осанист в речи, неуступчив, если за правду зацепился, а бродяга редко свою жизнь на истину кладёт, врёт больше, как проверишь, света край далеко и чего там было с ним, поди проведай. А у Егора всё степенно, без робости человек живёт и говорит. Этот не просто бродит, перекаати-полем, где подадут чего, там и дом, он, по всему видно, укрытия ищет, душ родных свет ему нужен, вот и легенду на конце земли услышал, и за ней пошёл, и сыскал начало её. Может быть, с тем, чтобы продолжить. Слава богу, послал он Васе второго, что каждому человеку нужен, чтобы дело его на земле подхватить. Без такой причины он бы сюда не пришёл. Своих последышей у Васи нет, а этот не чужой, он родней родных, на князя обличьем похож, а подобие великого просто так не даётся – оно достойных ищет, ждёт, как награда. Вот и Васе радость вышла за долгие годы ожидания, будто сына, никогда не виденного, встретил. А годов-то сколько ушло? Начал он их считать, вглядываясь в темень избы, будто хотел сыскать в ней подтверждение своей жизни. Точный счёт своих лет у него никак не получался, многие зимы и лета помнил, людей в них живых, а теперь уже тутошних, под крестом почивших, и получалось, что всех он уже пережил – и поздних, и ранних, и как ни крути, а за девяносто годов он уже отошёл и скоро надо будет на поклон к Господу собираться. А что точного числа своих лет не знает, так то не беда, он среди живых мало жил, а на кладбище года, как один, и сто лет – мгновение. Так бывает – умрёт человек, пока помнят его, вроде как живой, а кинутся считать – самим пора вслед отправляться. Но если ты гневен в своей памяти или по другой причине забыл родные места, не посещаешь отчие могилы, то тебя после смерти зарюют как собаку и никто не помянет о тебе добром, гордыня твоя прорастёт на могильном холме сорной травой, бурьяном беспамятства.

Под утро отошёл Вася от раздумий, сомкнулись его глаза, утомившиеся выискивать во тьме растерявшиеся по жизни годы, и в глубоком этом сне оказался он вблизи какого-то ровного, воздухом светлого поля, в ожидании грядущего события. И разделяет это поле ограда кладбищенская на два мира. У этой ограды и встретил он князя. Князь конно прибыл, с малой дружиною, спешился у своего камня и заговорил: «Беру тебя в своё воинство. Много добрых дел за тобою, Василий, будешь мне помощником. Вместе стоим за нашу землю перед Богом и народом». Ещё многое говорил князь, но очень уж ярко сияла кольчуга его и шелом на голове – страх благоговения сковал разум, и не всё сказанное запомнилось. Проснулся он утром, будто осиянный тем жарким светом доспехов князя и дружины его, долго бродил меж могилами, пока не пришёл к своей суженой, не ставшей ему женою, а ушедшей невестой к Спасителю. Долго стоял, глядел на её улыбчивое лицо с фотографии, и свет той улыбки вливался теплом в его душу, а может, то лучи утреннего солнца согревали его, но только вдруг стало жарко в груди, потянулся Вася руками к глазам любимой и соединился с ней – упал на могильный, поросший травой мягкой холмик, под самый похоронный крест, и замер навсегда.